

Марина ГРЕЙ

Мой отец генерал Деникин

<Фрагменты>

Кем был Врангель? Жан Бурдые в своей книге «Белая армия» дает такой портрет: «Выходец из семьи военной аристократии, попавший в армию с помощью своих связей, барон Петр Николаевич Врангель, наделенный высокомерием и безграничной храбростью, с первого взгляда производил впечатление лихого кавалерийского офицера. Высокий, худой, он сохранял безукоризненную выправку офицера; внимание сразу же привлекало его худощавое, очень длинное лицо, с тонким носом, небольшими темными усами, пытливым, оценивающим взглядом под аркой надменно поднятых бровей. На его лице лежала печать усталого высокомерия, что сразу же выдавало и другие стороны его характера и темперамента. Врангель обладал характером и свойствами исключительной личности в хорошем и плохом смысле этого слова. Под холодной маской скрывался дух, пребывающий вечно в движении и устремленный к одной цели, которую ставило его самолюбие, разрастающееся при благоприятных обстоятельствах до непомерных размеров.

Помимо самолюбия его отличала необычайная вера в себя — это проявилось немного по-детски в его “Мемуарах”. Он никогда не терял убежденности в своей исключительности, в том, что только он может приказывать и отдавать команды. Ко всему прочему он был наделен стремительным и острым умом, часто, однако, оказывающимся несколько изворотливым!»

Полковник Врангель отличился в 1916 году во время сражения в Галиции, командуя бригадой уссурийских казаков. В начале 1917-го он, став генерал-майором, командовал дивизией и тщетно пытался побудить своих казаков встать на сторону Корнилова во время неудавшегося «путча». После большевистского переворота Врангель, убежденный монархист, перебирается в Крым, где его приговаривают к смерти и только слезы и мольбы жены спасают его. После того как немцы «освободили» Украину, он уезжает в Киев, где «царствовал» его старый друг Скоропадский и где ему предложили должность

начальника штаба гетмана. Однако Врангель не разделял германофильских настроений Скоропадского и отклонил это предложение, затем вернулся в Крым и в августе 1918 года решил направиться в Екатеринодар. Он сам рассказал о своей встрече с Деникиным, который принял его в начале сентября. Главнокомандующий сразу же обратился к Врангелю с вопросом:

— Как мы могли бы наилучшим образом использовать ваши знания и опыт? Какого назначения хотели бы Вы?

— Вашему превосходительству известно, что в 1917 году я командовал кавалерийским корпусом, но в 1914 году я командовал только эскадроном. Не думаю, что я очень состарился с того времени...

— Нет. Конечно, дело не может идти об эскадроне... Что вы скажете, если мы предложим вам командование бригадой?

— К вашим услугам, Ваше превосходительство!

Такая скромность, которую Деникин не ожидал встретить, понравилась ему. Он собрался послать генерала Эрдели с очень ответственной миссией на Балканы. Почему бы не заменить его этим новым офицером с безукоризненной репутацией и столь почтительным поведением? Известие о взятии Ставрополя только утвердило его в том, что он сделал хороший выбор.

<...>

<...> Внутренняя борьба* стала действительно угрожающей, когда правые обрели своего вождя в лице генерала Врангеля.

Врангель сделал публичное признание о своих расхождениях с Деникиным в июле 1919 года в тот момент, когда главнокомандующий отдал приказ идти на Москву. В мемуарах он конкретизирует свои критические выпады: «Этот приказ был равноценен смертному приговору для армий юга России. Он проигнорировал все принципы военной стратегии: не было ни выбора основного направления, ни концентрации войск в этом направлении, ни соответствующих маневров. Каждой из армии был лишь дан приказ двигаться на Москву».

<...>

Эти первые проявления разногласий не стали непосредственной причиной разрыва отношений. Деникин, по природе человек доброжелательный, считал, что как солдат его подчиненный имеет неоспоримые достоинства. Сместив Май-Маевского, он поручил Врангелю командование добровольцами. Встав во главе героев Екатеринодара, Курска, Воронежа, Орла, столь дорогих сердцу Деникина ветеранов, Врангель поспешил составить грубый и полный презрения к ним рапорт, которому он, по своему обыкновению, дал публичную огласку. Деникин не сможет простить ему этого хотя бы из-за намеренно ложного вывода: «В качестве действующего соединения эта армия перестала существовать!»

* Имеется в виду в Южнороссийском Белом движении.

Деникин поставил вместо Врангеля Кутепова. Барон предложил тогда сформировать новый армейский корпус кавалерии, состоящий из казаков. Когда ему это не удалось, он начал открыто готовить заговор против Деникина. В начале января 1920 года Врангелю было приказано укрепить порт Новороссийска и подготовить возможную эвакуацию белых. Он тотчас отказался от этого назначения, посчитав его для себя «неинтересным», и потребовал нового назначения, в то время как слухи о подготавливаемом им государственным перевороте с целью свержения Деникина дошли до Варшавы и Лондона. Назначения и отказы от назначений следовали одно за другим. Поведение неугомонного генерала причиняло значительное неудобство, и главнокомандующий в конце концов предложил Врангелю временно покинуть русскую землю и 10 февраля 1920 года принял его «прошение об отставке по причине болезни».

Тем не менее барон продолжал оставаться на территории России, проживая на стоящем на севастопольском рейде русском корабле. 5 марта он решил уехать в Константинополь, предварительно послав своему бывшему шефу письмо в такой же мере наглое, в какой и разоблачающее сущность его натуры: «Вы видели, как таяло Ваше обаяние и власть выскальзывала из Ваших рук, цепляясь за нее в полнейшем ослеплении, Вы стали искать кругом крамолу и мятеж.

Отравленный ядом честолюбия, вкусивший власти, окруженный бесчестными льстецами, Вы уже думали не о спасении отечества, а лишь о сохранении власти...

Русское общество стало прозревать... Все громче и громче называются имена вождей, которые среди всеобщего падения нравов остаются незапятнанными... Армия и общество во мне увидели человека, способного дать то, чего жаждали все.

Армия, воспитанная на произволе, грабежах и пьянстве, ведомая вождями, примером своим развращающим войска, — такая армия не могла воскресить России...»

<...>

Ставку ВСЮР перенесли в Феодосию. Махров¹ заменил Романовского на посту начальника штаба. Именно ему Деникин передал в ночь с 1 на 2 апреля приказ о передаче полномочий: он требовал немедленного созыва Военного совета в Севастополе, который должен был избрать его преемника. Были приглашены командующие основных наземных частей и флота и — поименно — девять генералов-диссидентов, на данный момент не имеющих назначения, и среди них Врангель, Махров и два других генерала представляли Ставку. Председателем совета был назначен генерал Драгомиров.

Махров вспоминает: «Он (Деникин) показался мне невыразимо усталым. Протянул мне приказ и сказал: “Мое решение бесповоротно. Армия потеряла веру в вождя, я потерял веру в армию...”»

Совет собрался вечером 3 апреля. В тот же вечер телеграммой Драгомиров сообщил Деникину, что все собравшиеся члены совета, за исключением командующего флотом, более расположенного к Врангелю, чем к Деникину, выступили против выборной процедуры, подобной той, что практиковалась в Красной армии, и подтвердили свое желание видеть своим главнокомандующим Деникина. Тот ответил следующее: «Морально сломленный, я больше не могу ни одного лишнего дня вынести груз возложенных на меня полномочий. Я приказываю совету выполнять свой долг».

Поздним вечером Драгомиров сообщил, что члены совета, подчиняясь означенной директиве, выбрали генерала Врангеля. Последний прибыл на следующее утро. Все ждали официального подтверждения Деникина, который утром 4 апреля подписал свой последний приказ.

«1. Генерал-лейтенант Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России.

2. Всем шедшим честно со мною в тяжелой борьбе — низкий поклон. Господи, дай победу Армии и спаси Россию!»

Получив это подтверждение своего назначения, Врангель в свою очередь подписал приказ по армии: «Я разделил с Армией честь ее побед, и я не могу отказать выпить вместе с ней чашу унижений. Черпая свои силы в доверии моих старых соратников, я соглашаюсь принять пост главнокомандующего».

Хотя Деникин передал Врангелю лишь свои военные полномочия, последний стал считать себя также и гражданским правителем. В своих мемуарах он напишет, что, став «правителем и главнокомандующим вооруженными силами юга России», он «соединил всю полноту военной и гражданской власти, не знающей никакого ограничения». Ему удалось восстановить в армии дисциплину, наладить отношения с Францией. Перейдя в контратаку, он на голову разбил красных в мае и июне и высадил десант в Кубани. В августе Мильеран, тогда председатель правительства, сообщил Врангелю, что Франция готова официально признать его... Увы, Кубанская экспедиция потерпела фиаско. Красная армия получила значительное подкрепление с Западного фронта после войны с Польшей, одержавшей победу благодаря умелому руководству генерала Вейгана, и в октябре развернула масштабное наступление на Крым. В ноябре остатки Белой армии, погрузившись на корабли, покинули Россию.

Врангель, не дожидаясь трагической развязки, но, уже предвидя ее, начал объяснять во множестве статей и интервью возможный разгром своей армии «тяжелым наследством, оставленным мне Деникиным». <...>

